

— Ты ещё спрашиваешь, что сам натворил?

— При таком скопище людей это вслух произносить - мне, старику, уже стыдно до костей!

— Как мы вообще могли породить такого бесстыдного гера? Надо было тогда же утопить тебя в бочке!

Когда Цзян Чансинь вышел наружу, до него как раз донеслись крики родителей Е Нина.

Чэн Чжао нахмурился:

— Семейство Е и впрямь... Как можно так унижать своего же ребёнка на глазах у всех? Если есть что сказать, разве не лучше вернуться домой и поговорить спокойно?

Цзян Чансинь тихо усмехнулся, усмешкой холодной, почти насмешливой. В его памяти из прошлой жизни семья Е была точно такой же. Пастух был человеком, одержимым репутацией: пусть даже внутри пусто, зато снаружи ни в коем случае нельзя опозориться. Беда лишь в том, что и «нутра»-то у него никакого не было. В его глазах Е Нин никогда не считался по-настоящему своим, а значит, и разговаривать с ним за закрытыми дверями не требовалось.

Теперь же добавилась история с разорванной помолвкой с семьёй Чжоу. Разве нынешний скандал - не попытка родителей отыграть себе достоинство за его счёт? Прямо и косвенно дать всем понять: не они хотели этого разрыва, и если уж кому и должно быть стыдно, так это Е Нину.

Чэн Чжао больше не мог этого слушать. Он шагнул вперёд, но Цзян Чансинь поднял руку, останавливая его:

— Не спеши.

Чэн Чжао не понял, что именно означает это «не спеши», и с сомнением посмотрел на хозяина. А тот, напротив, с явным интересом наблюдал издали за Е Нином, окружённым плотным кольцом зевак.

Толпа шумела: здесь были и те, кто пришёл за лапшой, и просто прохожие, но теперь все они превратились в зрителей. В самом центре стоял Е Нин. И среди всего этого гама он оставался самым спокойным. Ровным голосом он сказал:

— Если отец и мать не объяснят, что именно произошло, у меня нет времени гадать. У прилавка дел невпроворот, прошу вас пока вернуться домой.

— Ты... ты... — отец Е Нина ткнул в него пальцем. — Такие позорные вещи я и вслух выговорить

не могу!

Мать Е Нина, не щадя себя, почти сдирая кожу с лица от стыда, заговорила:

— Это ты ещё смеешь нас спрашивать?! Мы ведь хотели оставить тебе хоть последнюю кроху приличия, но раз уж так, скажу всё как есть! Твой «лапшичный ларёк» только с виду про еду, а на самом деле ты там с чужими мужчинами заигрываешь! Старый Лю говорил - своими глазами видел, как ты затащил какого-то мужика внутрь, дверь запер и долго не выходил! Ай-ай-ай, как же мне теперь жить... за что мне такое наказание, что я родила такое!

Говоря это, она ткнула пальцем в Лао Лю, того самого Лао Лю, который накануне пытался наесться за чужой счёт и был выгнан Е Нином. Сейчас он тоже стоял в толпе, с жадным любопытством наблюдая за происходящим. Когда на него указали, Лао Лю отчего-то стушевался: его глазки-горошины заметались из стороны в сторону. Он хотел было опустить голову и улизнуть, но людей вокруг было слишком много - спереди и сзади его зажали, и выбраться он не мог.

Е Нин лишь мельком взглянул на него и уже всё понял. Спокойно он сказал:

— Отец, мать, вы поверили одному чужому злому языку, даже не дав собственному сыну оправдаться. Выходит, для вас слова посторонних важнее, чем мои?

— Ты... ты это к чему? — мать опешила. Они и не помышляли выслушивать Е Нина, но теперь вынужденно возразила: — Лао Лю ведь сам видел! Своими глазами, двумя! Разве он мог наврать?

В толпу протиснулся Чжан Чжиюань. Он узнал Лао Лю и поспешил сказать:

— Тётушка, не горячитесь! Я знаю этого дядю Лю! Позавчера он приходил к ларьку и хотел есть лапшу, не заплатив ни медяка. Нин-гер отказал ему, вот он и затаил злобу, выдумал эти грязные небылицы!

— Какие ещё небылицы?! — взвился Лао Лю. — Я что, вру, что ли? Мы все тут старшие по отношению к Нин-геру, как можно такое сочинять? Да и ты, книжник, ты ведь не из нашей деревни, чего вообще лезешь?

Он сально и мерзко хихикнул:

— Ты ведь сам целыми днями рядом с Нин-гером крутишься: то «Нин-гер», это «Нин-гер», всё при нём да при нём, на этом ларьке. Тот мужчина, с которым он вчера заперся внутри, может, как раз ты и был! Жаль только, что я тогда не разглядел, кто именно. Хе-хе... А сейчас гляжу - рост у вас, между прочим, очень даже похож!

Лицо Чжан Чжиюаня мгновенно залилось краской:

— Как ты смеешь так клеветать?! Моё имя ладно, но Нин-гер ещё не замужем, как ты можешь позволять себе такую грязь в словах!

— Ха-ха-ха! — расхохотался Лао Лю. — Вот и занервничал! Чем больше суетишься, тем яснее: совесть-то у тебя нечиста!

Чжан Чжиюань так разозлился, что не знал, как отвечать. Он изучал книги святых мудрецов, привык к благопристойным речам и никогда прежде не сталкивался с такой наглой, грязной клеветой.

Е Нин шагнул вперёд, заслонил Чжан Чжиюаня собой и тихо покачал головой, призывая его успокоиться. Чжан Чжиюань всё ещё кипел от возмущения, но всё же глубоко вдохнул и отступил на два шага.

Е Нин посмотрел прямо на Лао Лю и спокойно сказал:

— Раз уж ты утверждаешь, что видел всё собственными глазами, тем лучше. Давай разберёмся лицом к лицу.

Лао Лю выпятил грудь и задрал подбородок:

— Р-разобраться, так разобраться!

— Ты утверждаешь, — продолжил Е Нин, — что вчера я заперся в лапшичной с каким-то мужчиной и оставался с ним наедине. Скажи же точно: в какое время это было и при каких обстоятельствах?

— Ну... э-э... — глаза Лао Лю заметались. Он всё это выдумал на ходу и, разумеется, не мог назвать ничего конкретного. В панике он ляпнул первое, что пришло в голову: — Утром! Точно, утром!

Е Нин улыбнулся:

— Вчера утром я был на реке, ловил рыбу и креветок. Лапшичная тогда вообще не работала, и меня там не было.

По толпе прокатился гул удивления, слышались возгласы. Лао Лю поспешно попытался выкрутиться:

— Я... я перепутал! Не утром, в полдень!

— Да-да, именно в полдень! — торопливо добавил он, размахивая руками, словно стараясь убедить не только других, но и самого себя. — Я как раз шёл домой обедать, проходил мимо твоей лавки, через мостик... гляжу - а там! Нин-гер за руку тащит здорового мужика внутрь, бах и дверь захлопывает! А мужик-то - весь в мышцах, плечистый! С таким, сам понимаешь, ничего доброго не делают!

Е Нин снова усмехнулся:

— Только что ты говорил, что тот человек был ростом похож на моего двоюродного брата. С каких это пор мой брат - «здоровенный, весь в мышцах»?

Лао Лю было уже поздно кусать локти. Он сам загнал себя в угол: язык у него оказался слишком длинным и скользким, слова лились без остановки - чем больше говорил, тем сильнее путался.

Толпа снова зашумела, противоречия были слишком очевидны, и доверие к Лао Лю стремительно таяло.

— Я... я ведь просто... — упрямо заорал Лао Лю, краснея. — Я сказал, что ростом он был похож на Чжан-саньлана, а не то, что это был он сам!

Голос Е Нина оставался спокойным, но в этой спокойности чувствовалось давление, от которого невозможно было уклониться:

— То у тебя утро, то уже полдень; то это мой двоюродный брат, то вовсе не он. Теперь ты всё как следует обдумал? Больше менять показания не будешь?

Под взглядами десятков людей Лао Лю впервые в жизни ощутил, как у него немеет спина. И это под напором младшего! Отступить было поздно, и он упрямо встал в позу:

— Обдумал! Менять ничего не буду!

Е Нин кивнул и неторопливо произнёс:

— Раз так, тогда позволь уже мне кое-что разъяснить... Вчера в полдень моя лапшичная ещё не пользовалась спросом. Было пусто и тихо, никакого столпотворения. Единственным посетителем в то время была старшая госпожа из семьи Цзян - она съела здесь одну чашку лапши.

Это была чистая правда. Два медяка за чашку для жителей Цинтяня - цена немалая, и

поначалу никто не спешил заходить. Лишь после того, как накануне в полдень сюда пришла госпожа Цзян и её заметили прохожие, люди потянулись один за другим, желая попробовать «ту самую лапшу».

Е Нин продолжил:

— Вчера в полдень здесь была только госпожа Цзян. А после обеда народу стало много: я варил бульон, готовил лапшу, всё делал собственными руками и не отходил от прилавка ни на шаг. Все эти гости могут это подтвердить. Так откуда же, скажи на милость, взялся мужчина, с которым я якобы оставался наедине?

— Ты... ты... — Лао Лю заметался, явно теряя почву под ногами.

Чжан Чжиюань шагнул вперёд:

— Всё верно. Я даже вёл записи - вот счётная книга, всё отмечено по времени. Если кто-то сомневается, может сам посмотреть.

Е Нин не дал Лао Лю возможности снова выкрутиться и спокойно добавил:

— Я держу лавку честно, зарабатываю чистым трудом, не воруя и не обманывая. Не то что некоторые - лишь языком мелют, сочиняя небылицы, чтобы опорочить других.

— Лжёшь! Всё это сплошные увертки! — заорал Лао Лю, тыча в него пальцем и уже откровенно переходя на крик.

Е Нин холодно усмехнулся. Хотя внешне он выглядел мягким и хрупким, словно тонкая ива на ветру, улыбка на его губах становилась всё более ледяной, такой, что пробирала до дрожи.

— Если ты намерен и дальше клеветать, — спокойно сказал он, — то впереди как раз усадьба семьи Цзян. Пойдём, поступимся и спросим у старшей госпожи Цзян лично.

Лао Лю бросил взгляд в сторону ворот дома Цзян и в одно мгновение лишился дара речи. Ещё секунду назад язык у него работал без остановки, словно смазанный маслом, а теперь он превратился в немую тыкву. Он резко развернулся, растолкал людей и бросился бежать.

— Ай! Да куда ж ты прёшь, людей толкаешь!

— Лю сбежал!

— Значит, и правда всё наврал...

В тот миг, когда Лао Лю уже почти вырвался, бровь Цзян Чансиня едва заметно приподнялась. Полы его одежды тихо шелохнулись, раздался лёгкий шелест, и лежавший на земле камешек вдруг сорвался с места. Никто не успел заметить, как именно это произошло: камень с поразительной точностью угодил Лао Лю под колено.

— А-а-а! — вскрикнул тот, запнувшись одной ногой о другую, и с размаху рухнул на землю, уткнувшись лицом в грязь.

Чжан Чжюань, растолкав толпу, выскочил вперёд и мёртвой хваткой вцепился Лю в одежду, не давая ему подняться:

— Говори всё как есть! Ты ни за что ни про что опорочил человека и думаешь просто так сбежать?

Лао Лю дёрнулся, отшвырнул его руку и попытался снова подняться. Чжан Чжюань был молод, но Лао Лю всю жизнь работал в поле - крепкий, жилистый, не чета книжному учёному.

Е Нин быстро оценил ситуацию и, словно приняв решение, громко сказал:

— Все мы здесь соседи, одна деревня, каждый день видимся. Сегодняшнее вы сами видели. Дядя Лю, ты ведь знаешь: от монаха можно убежать, а от храма - нет. Если ты сейчас не скажешь правду, потеряешь лицо не только ты один - опозоришь и всех деревенских старших.

Слова нашли отклик. Люди вокруг закивали:

— Верно говорит, взрослый мужик, а ума нет.

— Как можно так оговаривать младшего?

— Стыд и срам на всю деревню.

Е Нин улыбался мягко, почти приветливо. Лао Лю лежал на земле, и теперь именно Е Нин оказался над ним. Его спокойная, ровная осанка почему-то внушала такой страх, что у Лю окончательно подкосились ноги, бежать он больше не мог.

Наконец Лао Лю стиснул зубы, словно решившись на отчаянный шаг, и с жалобным видом выпалил:

— Я... я скажу правду! Это Чжоу-далан, старший из семьи Чжоу, велел мне повсюду очернять Нин-гера, говорить, будто он блудит! Я всего лишь арендатор семьи Чжоу, я не мог послушаться хозяина!

<http://bllate.org/book/15118/1379822>